Анастасия Астахова

Автономия научного сообщества, популяризация науки и общественные дебаты на примере обсуждения ГМО-продукции

Научное сообщество, предоставляя внешнему миру знания, вынуждено взаимодействовать с различными социальными группами. Несмотря на то, что многие механизмы подобного взаимодействия в России отработаны в недостаточной степени, возрастает значимость публичных дебатов по научным вопросам. Публика становится не только объектом просветительской деятельности, но и участником дискуссий. В статье дается обзор современных подходов к исследованию взаимодействия ученых с внеакадемической общественностью. На примере дебатов по вопросам внедрения продукции, созданной с использованием генетически модифицированных организмов (ГМО), рассматриваются выступления представителей социальных групп на публичных аренах, стратегии отстаивания интересов и позиционирования сообществ.

Ключевые слова: популяризация науки, коммуникация, сообщество, публичные дебаты, публика.

Астахова Анастасия Сергеевна — кандидат социологических наук, MA in Sociology (МВШСЭН, 2011), старший преподаватель философско-социологического отделения ФГУ РАНХиГС. Научные интересы: public understanding of science, исследования сообществ, социология эмоций, социология религии.

Статья написана по материалам НИР «Современные теоретико-методологические основания исследования сообществ: развитие коммунитарной исследовательской программы», выполненного по государственному заданию РАНХиГС за 2013 г.

Введение

Научное сообщество, сохраняя за собой статус экспертной группы, вынуждено не только делиться информацией с непрофессионалами, но и взаимодействовать с внеакадемической средой, в частности, участвовать в дискуссиях. Изменяется статус самой науки: ослабляется строгий фундаментализм естествознания, в результате чего реабилитируются традиционные способы взаимодействия с природой, а ее носители могут рассматриваться как легитимный источник экспертной оценки [Schlosberg, 2007].

Проблематизируя области публичного понимания науки (public understanding of science) и участия непрофессионалов в решении научных вопросов, Брайан Уинн описывает ситуацию с фермерами-овцеводами в одном из регионов Англии в 1986 г. [Wynne, 2003]. После аварии на Чернобыльской АЭС дошедшие до побережья Великобритании радиоактивные облака вызвали выпадение осадков, содержавших опасный для жизни химический элемент цезий. Изначально официальные эксперты отрицали риск заражения и не поддерживали опасения фермеров; последствия радиоактивных осадков отрицались шесть недель. И только позднее, когда было признано, что цезий попал в почву и воду, был введен запрет на продажу шерсти и мяса из зараженных регионов. Фермеры распознали проблему раньше ученых, учитывая геологические особенности данной местности и наблюдая за поведением животных, однако не были признаны в качестве экспертов, поэтому правительственные комиссии не реагировали на поступающие от них запросы.

В данной статье рассмотрены особенности взаимодействия научного сообщества с другими видами социальных групп, принципы выстраивания публичных дебатов на примере споров о ГМО в российских СМИ.

Научное сообщество как мыслительный коллектив

Соотношение профессиональных ученых, популяризаторов науки и широкой общественности можно прояснить, обращаясь к введенной Людвиком Флеком идее мыслительных коллективов. С точки зрения Флека, научная деятельность целиком выстраивается вокруг мыслительных коллективов, которые образуют эзотерические круги. Соответственно, знание, циркулирующее в рамках отдельного мыслительного коллектива, является закрытым (и не столько закрытым как тайна за «семью печатями», сколько непознаваемым и /или непрозрачным для непосвященных). При-

равнивать все научное знание только к знанию, циркулирующему в рамках эзотерического круга значит ограничиваться изучением только одной из частей науки. Существует также более широкий экзотерический круг, куда, по мнению Флека, «входят более или менее образованные „дилетанты“» [Флек, 1999, с. 135]. Будучи профессионалом в какой-то определенной области, становясь в ней частью эзотерического круга, ученый параллельно присутствует и в нескольких экзотерических кругах в смежных областях или просто по интересным ему направлениям. Флек пишет: «Если экономист говорит о хозяйственном *организме*, философ — о *субстанции*, а биолог — о *„клеточном* государстве“ (Zellstaat), то они употребляют понятия, заимствованные из популярного знания и перенесенные в специальные научные сферы». Таким образом, именно популярная наука обеспечивает общую рамку для теоретических дискуссий, которые черпают из нее свои понятия, сопоставления и мнения о сравнительной весомости тех или иных результатов, что и определяет ее теоретико-познавательное значение [Там же, с. 136].

Следуя логике коммуникативного поворота в социально-гуманитарных дисциплинах, С. Хилтгартнер рассматривает процессы взаимодействия в научном сообществе с помощью метафоры потоков: восходящего (upstream) и нисходящего (downstream) [Hilgartner, 1990, p. 528]. Восходящий поток научной коммуникации включает преимущественно общение с коллегами: научные публикации, обзоры и т. д. Нисходящий поток охватывает изложение результатов исследований, отчеты для политиков и т. п. — иными словами, ситуации, когда в коммуникацию начинают встраиваться люди, не являющиеся частью научного сообщества. Принятые процедуры удостоверения научной квалификации того или иного специалиста в восходящем потоке научной коммуникации должны в идеале выступать в роли своего рода фильтра, определяющего содержание нисходящего потока. Здесь уже заранее предполагается и существование сообщества, и наличие знаний, которыми оно распоряжается.

Однако взаимоотношения научного сообщества и публики — это не только линейный однонаправленный поток информации. Публика по-своему понимает и принимает предложенные данные, а также может тем или иным способом реагировать на них.

Мишель Каллон отмечает, что возводившаяся веками граница, «великий разрыв» между учеными и не-учеными в настоящее время перестает быть столь явным [Callon, 1999, p. 82]. Он указывает, что отношения между научным сообществом и публикой более не сводятся только к просвещению. Публичное образование — простейшая и наиболее распространенная модель взаимоотношений ученых

с неспециалистами, к которой Каллон добавил модель публичных дебатов и модель совместного производства научного знания [Ibid., p. 82–93].

В модели публичных дебатов представители неакадемических кругов рассматриваются более дифференцированно. Обычный человек — не просто носитель суеверий, он может иметь собственное мнение, практический опыт по обсуждаемому вопросу. Таким образом, общественность за пределами научного сообщества представляется уже не однородной массой, а носителями тех или иных признаков и интересов. Дебаты по поводу науки проводятся на публичных аренах, и ученые лишаются монополии на авторитетное высказывание. Ценность науки по-прежнему универсальна, но признается незавершенность научного знания.

Модель совместного производства научного знания предполагает, что в нем участвуют неспециалисты. Ученые контактируют не с широкой общественностью, а с ее отдельными представителями, заинтересованными в проведении определенных исследований. Примером такой заинтересованной аудитории могут быть пациенты, страдающие редкими заболеваниями. Описываются случаи, когда ассоциации пациентов привлекали внимание ученых к проблеме, выступали инициаторами исследовательской деятельности. Во Франции объединяются в ассоциации люди, больные муковисцидозом, гемофилией и другими наследственными заболеваниями. Активно участвуют как в общественных дискуссиях, так и непосредственно в исследованиях ассоциации ВИЧ-инфицированных [Rabeharisoa, Callon, 2002]. Подобные ассоциации выступают не только источником финансовой поддержки для исследователей в области медицины. Пациент признается «экспертом в опыте», носителем знания, пусть и отличного от знания профессионала [Borkman, 1976; Simpson, 1996]. В этом смысле он для врача и исследователя не просто объект, а партнер. Его опыт может влиять на результаты исследования, к примеру, при испытании новых методов лечения.

Однако говорить о совместном производстве научного знания как об идеальной модели, к которой необходимо стремиться во всех сферах, не приходится. Сложно представить практическую реализацию подобной модели в случае фундаментальных научных исследований, не только недоступных пониманию непосвященных, но и не связанных напрямую с их повседневной жизнью.

По мнению Каллона, нельзя утверждать, что доверие к науке полностью утрачено. Скорее, следует вести речь о кризисе асимметричного режима отношений между научным сообществом и общест-

венностью, в котором участие обычных людей сводится к слепому доверию/недоверию научным достижениям и /или фактам. Да, фундаментальная наука предполагает изоляцию от публики, однако такие проблемы, как состояние окружающей среды или здоровье, могут рассматриваться в рамках моделей дебатов и совместного производства знания.

Если модель совместного производства представляется достаточно специфическим, если не сказать экзотическим, способом формирования научного знания, то публичные дебаты по вопросам науки можно наблюдать в том числе и в России. В идеале данная модель подразумевает механизмы участия в принятии решений по вопросам, связанным допустимостью развития тех или иных областей исследований. В модели публичных дебатов подразумевается необходимость дополнять «лабораторное» знание практическим, которое присутствует во внешнем мире, подчеркивается неполнота данных, полученных в конструированных условиях, понятие экспертного знания относится не только к ученым, но и к практикам, которые владеют знанием другого рода.

Комментируя описанный выше кейс Уинна, Каллон выявил, помимо различия лабораторных и полевых условий, что существуют ограничения для ученого, связанные с узостью специализации. Исследователь ограничен достаточно жесткими рамками, а также не может решать вопросы этического и экономического свойства [Callon, 1999, p. 86.]. В этом смысле модель публичных дебатов снимает ряд ограничений. В ее рамках механизмы диалога, помимо непосредственно созданных «публичных арен» в СМИ и опросов общественного мнения, подразумевают и наличие инструментов политического влияния на ситуацию.

Участвуя в публичных дебатах по поводу научных вопросов, акторы проявляют себя уже не просто как часть внешней по отношению к науке «массы», как в случае с односторонней коммуникацией. Когда наука просто переводит свои факты на язык обычных людей и просвещает, не делается принципиального различия, кто стоит с «принимающей» стороны. В случае же, когда появляется обратная связь, не-ученые из недифференцированной единой массы становятся носителями определенных групповых интересов и выступают как представители сообществ.

Анализ кейса: публичные дебаты вокруг ГМО

Яркий пример публичных дебатов вокруг научных проблем — ситуация с внедрением в сельское хозяйство продукции, полученной с использованием генно-модифицированных организмов. Противники и сторонники ГМО встречаются как среди ученых,

так и среди широкой общественности. Групповые интересы, которые транслируют сторонники обоих лагерей, предлагается рассмотреть изолированно от экономических и политических интересов, поскольку последнее — тема для отдельного исследования [см. например, Nielsen, Lassen, Sandøe, 2011]. В качестве материала для анализа использованы выпуски телевизионных программ, посвященные проблеме ГМО на федеральных телеканалах («Первый», «Россия 1», «НТВ», «5 канал», «Рен-ТВ» «ТВ 3»), а также вебсайты сторонников и противников технологии генетической модификации.

Научное сообщество в дискуссии по вопросам ГМО не высказывает единой позиции. Реплики «за» и «против» озвучивают не только представители научного сообщества «вообще», кандидаты и доктора наук, но даже представители одной и той же институции (например, с противоположных позиций выступают Гапоненко А. К. и Баранов А. С., сотрудники Института биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН).

Участники различных программ нередко повторяются. Практически всегда в сюжетах по ГМО выступает доктор биологических наук Ирина Ермакова, яростный противник, позиционирующий себя как «международный эксперт».

Аргументы противников ГМО-продукции скандальны и сенсационны, в этом смысле они лучше отвечают требованиям, предъявляемым информационным поводам [Хилгартнер, Боск, 2000]. Представители данного подхода не скупятся в своих выступлениях на эмоциональные высказывания и рисуют «страшные» образы генетически модифицированной продукции. Конструируется теория заговора, ГМО провозглашается «оружием незримого геноцида», «аферой», «инструментом контроля над миром». На примере заявлений противников и сторонников ГМО можно проанализировать, как представители определенных сообществ выражают позицию по отношению к проблемному вопросу, и на фоне подобных публичных дебатов подчеркивается и поддерживается групповая идентичность.

Рассмотрим сообщества не-ученых, занимающие ту или иную позицию по отношению к ГМО-продукции.

Противниками ГМО выступают сообщества, пропагандирующие возврат к традиционным ценностям, высказывания которых

содержат элементы националистической и /или религиозной риторики. Официальной точки зрения Русской православной церкви на ГМО в «Основах социальной концепции» не высказывается, тем не менее, значительная аргументация противников продукции связана с христианскими идеями. Создание генетически модифицированных организмов не является естественным процессом, представляется как искусственное уподобление Богу, а потому нежелательно.

В программе «Специальный корреспондент» на телеканале «Россия 1» Герман Стерлигов, предприниматель и общественный деятель, пропагандирующий лозунг «Россия — назад!», занял следующую позицию по этому вопросу: «Моей семье никакие эксперименты на эту тему не нужны. Я глубоко убежден, что продукты могут быть либо настоящими, либо отравленными. Настоящими только в том случае, если они выросли так, как угодно Господу, как он сотворил Вселенную. Любые вмешательства — это вред, и любые эксперименты излишни»[1].

Журналист и телевизионный ведущий Аркадий Мамонтов также озвучил религиозную позицию в конце программы: «Прогресс невозможно остановить <...> и продукты, наверное, изменятся, но есть одна опасность, что кто-то на ухо нам шепчет: „Ты равен Богу, ты можешь все“. И постепенно человек вторгается туда, куда по идее, вторгаться не стоит. И потом мы получаем разного рода результаты, которые нас пугают, ужасают, а, может, кого-то и радуют»[2].

Отказ от ГМО в рамках возврата к «исконно русскому» пропагандируется и оккультными сообществами, например, Русским общественным движением «Возрождение Золотой Век», информацию о чем можно встретить на сайте «ГМО-нет»[3] рядом с научными статьями противников генно-модифицированной продукции.

Семейные ценности также являются одной из поднимаемых тем — так, постулируется недопустимость использования продуктов, полученных при помощи ГМО, в детском питании («эксперименты на детях»).

Среди сторонников ГМО, соответственно, приверженцы идеи прогресса, в том числе трансгуманисты, например, популяризаторы криогеники Данила Медведев и Валерия Удалова (известна под псевдонимом Валерия Прайд), руководители компании «КриоРус».

---

1 Специальный корреспондент: ГМО-продукт. (http://russia.tv/video/show/brand_id/3957/video_id/184 547)

2 Там же.

3 ГМО — оружие незримого геноцида! (http://www.gmo-net.info)

Поддерживают ГМО «культовые» в сети Интернет персонажи: победитель ряда интеллектуальных телеигр Анатолий Вассерман[1] и «теледоктор» Елена Малышева[2].

Ожидаемыми участниками дискуссии о ГМО являются представители потребительских ассоциаций. Однако здесь сложно говорить о регулярной активности подобных сообществ в телевизионных дебатах по проблеме. Тем не менее, в одной из программ Петр Шелищ, председатель Союза потребителей России, выступил в поддержку ГМО: «Я очень надеюсь, что никакой биологической угрозы ГМО нам не несет. Надеюсь и верю в это. Исходя из оценок специалистов. Но есть другая проблема с ГМО. Мы фиктивной проблемой закрываем реальную: у нас на рынке продовольствия сплошные фальсификаты»[3].

Отношение к ГМО является неоднозначным, и публичные дебаты — выражение данной неоднозначности. Сообщества, участвующие в дебатах, не только демонстрируют определенность позиции. Употребление в пищу или отказ от ГМО входит в более широкий контекст стиля жизни представителей того или иного сообщества. Участие в публичных дебатах, таким образом, позволяет публично представить элементы стиля жизни сообщества. В данном случае рассмотрены лишь некоторые яркие представители сообществ, высказывающие отношение к проблеме использования ГМО в России, однако не освещена точка зрения политической элиты, в том числе по причине ее неартикулированности.

Проблема организации дебатов по вопросу ГМО-продукции в российских СМИ состоит в сосредоточенности на сенсационных аспектах (яркие и скандальные фигуры представителей сторон, пугающие образы возможных последствий), а также религиозных вопросах (приемлемо ли вмешательство в замысел Творца?). На второй план отходит желание разобраться, почему у ученых, представляющих разные стороны в данном споре, диаметрально противоположные результаты по вопросам пользы/вреда ГМО-продукции? Научные представители обоих лагерей обмениваются обвинениями в подлоге с корыстными целями, однако убедительность аргументов в данном случае опирается не на корректность методики проведения опытов или авторитет институции, а на специфику

1 Вассерман А. Генетически немодифицированне яды. (http://old.computerra.ru/blogs/wasserman/422 102).

2 Жить здорово. 1-й канал. Выпуск 14 января 2011 г. (http://www.1tv.ru/prj/zdorovo/vypusk/7178).

3 Свобода мысли. 5-й канал. Выпуск 28 апреля 2010 г. (http://5-tv.ru/programs/broadcast/504 897/).

изложения материала с учетом особенностей транслирования информации в СМИ.

Поскольку, повторимся, СМИ заинтересованы в эксплуатации скандальных деталей, новости о крысах, страдающих от опухолей, спровоцированных ГМО-кормом, будут иметь больше шансов на распространение, чем информация о новом полученном виде и повышении эффективности сельского хозяйства, вызванных его внедрением. Соответственно, публичные дебаты по данному вопросу проходят не по правилам производства знания, принятым в научном сообществе, а, скорее, в рамках создания журналистского сюжета, что необходимо принимать в расчет. Однако нежелание научного сообщества участвовать в дискуссиях по общественно значимым вопросам может привести к полному отсутствию понимания и невозможности дальнейшего конструктивного диалога с внешним миром.

Заключение

Публичные дебаты по вопросу о приемлемости использования ГМО-продукции значимы как для развития науки, так и для развития самосознания сообществ, мобилизации людей, занимающих активную позицию по данному вопросу.

Взаимодействие научного сообщества с общественностью может строиться в рамках нескольких моделей. Научное сообщество выступает в качестве легитимного источника объективных знаний, которые доносятся до общественности при помощи журналистов. Жесткое разделение компетентных и некомпетентных в вопросах экспертизы инстанций построено на принимаемом по умолчанию «дефиците» научности в заявлениях рядовых граждан. Это автоматически девальвирует ценность их наблюдений [Bucchi, Neresini, 2008, p. 450.], что сходно с предложенной Каллоном моделью «публичного образования». В логике «дефицита» знание, полученное из повседневного опыта, никогда не является достаточным, не-ученый по определению не может быть экспертом. Преодоление жесткой сегрегации экспертного и обыденного корпуса знаний возможно различными способами: это и участие в опросе общественного мнения, участие в технологической оценке, выдвижение демократических инициатив, членство в ассоциациях пациентов, поддержка социальных движений [Ibid., p. 462.]. Популярная наука — сегодня лишь одна из форм взаимодействия научного сообщества с общественностью. Не-ученые в настоящее время имеют возможность способствовать развитию исследований как заказчики, критики или даже как полноправные участники, делящиеся своим «повседневным» знанием. Участие в публичных дебатах позволяет озвучить

интересы сообществ, которых могут затронуть изменения, вызванные развитием науки.

Рассмотрение взаимодействия научного сообщества и общественности односторонне, сугубо в рамках «просветительской» логики является недостаточным. Популярная наука все чаще становится не только источником массовых знаний, способом расширения кругозора, но и материалом для активистской деятельности (используемым, к примеру, экологическими движениями), а также полем сотрудничества ученых и неспециалистов (ассоциации пациентов). Научная истина, возможно, рождается в споре. Но только при условии, если она может отстоять себя в таком споре, в котором могут участвовать все желающие.

Библиография

1. *Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.*
2. *Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 18–53.*
3. *Borkman T. Experiential knowledge: A New Concept for the Analysis of Self-help Groups // Social Services Review. 1976. No. 50. P. 445–456.*
4. *Bucchi M., Neresini F. Science and Public Participation // Handbook of Science and Technology Studies. MIT. 2008. P. 449–472.*
5. *Callon M. The Role of Lay People in the Production and Dissemination of Scientific Knowledge // Science, Technology, Society. 1999. No. 2. P. 81–94.*
6. *Hilgartner S. The Dominant View of Popularization: Conceptual Problems, political uses // Social Studies of Science. 1990. No. 20 (519). P. 519–539.*
7. *Nielsen A. P., Lassen J., Sandøe P. Public Participation: Democratic Ideal or Pragmatic Tool? The Cases of GM Foods and Functional Foods // Public Understanding of Science. 2011. No. 20 (2). P. 163–78.*
8. *Rabeharisoa V., Callon M. The Involvement of Patients' Associations in Research // International Social Science Journal. 2002. Vol. 54. Issue 171. P. 57–63.*
9. *Schlosberg D. Defining Environmental Justice: Theories, Movements, and Nature. Oxford: Oxford University Press, 2007.*
10. *Simpson R. G. Relationships between Self-Help Health Organizations and Professional Health Care Providers // Health and Social Care in the Community. 1996. Vol. 4. No. 6. P. 359–370.*
11. *Wynne B. Misunderstood Misunderstandings: Social Identities and Public Uptake of Science //Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology. N. Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 19–46.*